

Зазвонил телефон. Старик схватил трубку, зацепив локтем чашку с чаем. Раздался глухой стук, и по полу во все стороны брызнуло.

– Пап? – Донеслось из трубки.

– Да. Что там?

– Ещё делают.

– Почему так долго?

– Говорили с медсестрой, она сказала, что такие операции быстрее не делаются. Сказала, что надо ждать.

Старик свободной рукой провёл по лицу, надавил на веки.

– Держи меня в курсе.

– Андрей может приехать, забрать тебя.

– Аня.

– Пап...

– Аня.

Короткие гудки.

Старик положил трубку. Посидел, глядя, как чай подбирается к краю серого, в ворсинках, тапка. Позволил коснуться подошвы, потом убрал ногу, наклонился, поднял чашку. Из неё со шлепком выпал пакетик. Старик оперся на стол, встал – и, переступив через бурую лужу, пошёл за тряпкой.

Вечерело. Квартира плыла в сумерках. Старик, охая, опустился на колени и принялся возить тряпкой по луже. Закончив, он замер и некоторое время сидел на полу, глядя в стену и не выпуская тряпки. Потом медленно поднялся, отнес её в ванную и вернулся.

В кухне уныло гудел холодильник, пахло чем-то кислым. Старик подошел к окну. Небо густело, кое-где проступали бледные звёзды, но казалось, что ещё светло. Во дворе бегали дети, гуляли с собаками взрослые. Между домами напротив сияла широкая вертикальная полоса – было видно реку, противоположный берег, небо бледно-зелёного оттенка, вплотную

прижимавшееся к горизонту. За рекой загорались огни. Ползла неспешно лодка. Показалась из-за тридцать девятого дома, тёмным пятнышком протянулась по почти белой воде, дав на себя полюбоваться, и скрылась за сорок первым.

Старик постоял, глядя за реку, потом дёрнул форточку – в кухню ворвался каскад голосов, гудков и прочих составляющих привычного уличного шума. Где-то заиграла музыка, где-то закричали птицы, старика обдало прохладой осеннего вечера, занавески заплясали.

Зазвонил телефон. Старик рывком обернулся, кинулся к столу.

– Ну?

– Что «ну»? – переспросил хриплый мужской голос.

– А, это ты.

– Я. Не рад?

– Извини.

Старик опустил на стул.

– В конце месяца будем собираться. Ты как?

– Не знаю.

– Почему?

– Просто не знаю.

– Валя! – Раздался с улицы женский крик. – Домой!

Голос в трубке запнулся, потом проговорил как-то неуверенно:

– Ну, как узнаешь – позвони, что ли.

– Да, конечно, – вздохнул старик. – Ты извини, день такой...

Помолчали.

– Все в порядке? – спросил голос.

– Да... Не знаю... – старик откашлялся. – Не хочу говорить.

– Конечно... – проговорил голос. – Конечно. Ты звони, не пропадай.

– Хорошо.

Короткие гудки.

Старик положил трубку, пошарил рукой по столу и зажёл лампу. Потом встал, заглянул в чайник – есть ли вода? – и повернул ручку. Задрожало с готовностью синее пламя. Старик повертел головой, дотянулся до завёрнутого в полиэтилен пульта и включил телевизор, темневший над холодильником.

В бело-голубой студии сидели двое – постарше и помоложе – друг напротив друга. За ними по широкому экрануплыли слайды. Старик прислушался. Говорили о Столыпине.

– Я глубоко убеждён, – говорил тот, что помоложе, – что не погибни он, революции удалось бы избежать.

– Логика в этом, конечно, есть... – разводил руками тот, что постарше. – Но мы должны понимать...

– Валя! – Снова закричала женский голос. – Домой!

Старик посмотрел на окно. Звёзд стало больше – и сияли они ярче. Тридцать девятый и сорок первый были усыпаны пёстрыми прямоугольниками окон.

Старик взял со стола чашку, повертел в руках, обдал водой. Потом отставил в сторону и...

Телевизор демонстрировал одну за другой чёрно-белые фотографии. Люди

в мундирах, с орденами. Фуражки, бороды, здания с колоннами.

Старик постучал пальцами по столешнице, пригладил виски. Потом взял трубку, на мгновение закрыл глаза и, приложив её к уху, набрал номер.

Гудки.

– Да, пап.

– Ну что там?

– Пока ничего. Ждём.

Старик помолчал.

– Ты там как? Может... Давай Андрей приедет.

– Аня.

– Папа, это же безумие какое-то. Ну, время ли... для всего этого?

Старик повысил тон:

– Аня.

– Как хочешь.

Коротки гудки.

– ...самую фигуру его, самый его образ, духовный и даже, я думаю, физический, как трудолюбивого и чистого провинциального человека, который немного неуклюже..., – читал с листка тот, что помоложе.

Засопел, задрожал и, наконец, завизжал чайник. Старик встал, погасил пламя, кинул в чашку пакетик и, морщась, залил кипятком. Потом посмотрел на часы и подошёл к окну.

Сразу за рекой небо мерцало холодным светом, выше тонуло во мраке. На том берегу вспыхнул и засиял самый яркий огонёк из всех – похожий на маяк.

Старик снова посмотрел на часы, перевёл взгляд на телефон. Покусал губы. Потом медленно подошёл к столу, поднял трубку, зажал её между ухом и плечом.

– Валя! – Раздалось от окна.

Старик нахмурился, шумно выдохнул и простучал по кнопкам.

Занято.

Старик скривился точно от боли и с грохотом вернул трубку на место.

... – Всё это мелочи, – продолжал декламировать, не поднимая глаз от листка, тот, что помоложе, – но характерна их сумма. Он занят был всегда мыслью, делом; и никогда «своей персоной», суждениями о себе...

Старик глубоко вздохнул, что-то пробормотал себе под нос и сел. Поднёс к губам чашку, но было слишком горячо.

...Тот, что постарше, слушал внимательно, поглаживая бородку. Едва его собеседник закончил, программа прервалась – и экран замелькал рекламой. Старик сморщился – и выключил.

За стеной раздалось голоса. Старик прислушался, попытался разобрать слова, но не смог. Встал, неуверенно прошёл взад-вперед по кухне, постоял у окна, открыл и закрыл холодильник. Потом долго смотрел на телефон. Наконец, потёр ладонью затылок и вышел в коридор, а оттуда в комнату. Свет он включать не стал, наощупь добрался до дивана и лёг. Но сон не шёл. Старик лежал, глядя в потолок. По потолку тянулись, сталкиваясь и сливаясь, полосы

света. Стрекотали на комодe часы. Старик лежал, сложив руки на животе.

За окном залилась истошно чья-то сигнализация, завывла надрывно, тонко, на все голоса. Потом стало тихо. Прогромыхали наверху чьи-то тяжёлые шаги, показалось, что вздрогнула и чуть слышно зазвенела люстра.

Сна не было.

Когда старик вспомнил о чае, раздался звонок в дверь. Тут же – ещё один. Старик подскочил, едва не упав, и зашаркал в коридор. Не посмотрев в глазок, зазвенел ключами и распахнул дверь.

Никого не было. Старик услышал, как гудит, удаляясь, лифт.

Он постоял ещё с минуту – по ногам потянуло холодом, пахло сыростью – потом закрыл дверь, прошёл в кухню, сел и включил телевизор.

В студии появилась женщина строгого вида, в очках, с огромными красными бусами на шее. Она назидательным тоном что-то говорила, а мужчины слушали и кивали. Тот, что помладше, порывался что-то вставить, но раз за разом осекался.

Старик одним махом опустошил чашку и откинул голову назад, коснувшись затылком стены. Потом дотянулся до телефона и проверил, хорошо ли лежит трубка.

Женщина договорила, удовлетворённо сложила руки на коленях – и передача снова ушла на рекламу. Старик встал и прошагал к окну.

Было темно. По двору в поисках места ползал автомобиль. Свет от фар блуждал, изгибаясь. Из-за тридцать девятого показалась луна. По реке, вздрагивая, тянулись огоньки. Промелькнула мимо окна тень – летучая мышь. Старик приблизил лицо к стеклу, подышал на него, тут же стёр мутное пятно ладонью. Потом вернулся к столу, сел, опустив подбородок на грудь, положил руки на колени и замер. Сперва он смотрел на свои ладони, потом веки сомкнулись, и со стороны могло показаться, что он спит.

Заурчал в подъезде лифт. Этажом выше кто-то запел. Потом стало тихо. Старик пошарил рукой по стене и выключил свет – кухня провалилась в темноту. От окна сквозь занавески вилось холодное неровное сияние. Загудел нервно холодильник, в комнате еле слышно стрекотали часы.

Старик сидел, не шевелясь. По пальцам пробегала тонкая дрожь.

На квартиру навалилось грузное, плотное беззвучие. Притих холодильник; стрекот часов становился всё реже, истончался – и, наконец, выскользнул куда-то и исчез. Старик услышал биение собственного сердца. Раз удар, два удар, три удар... Громче. Ещё громче. Сердце стало увеличиваться, заняло целиком грудную клетку, вышло за её пределы. Сердце росло как воздушный шар, отбивая гонг – раз удар, два удар, три удар. Сердце заполнило кухню, ударило ещё раз, другой, третий – и поплыло сквозь стены – в комнату, в подъезд, к соседям, за окно.

Мир сотрясался и пульсировал – раз удар, два удар, три удар. Старик боялся пошевелиться, пальцы дрожали. И тут зазвонил телефон.

Всё тело свело судорогой, он выбросил руку вперёд – и трубка громыхнула, повалившись. Щёлкнул выключателем и, щурясь от нахлынувшего света, схватил трубку, перевернул, прижал к уху.

– Слушаю! – воскликнул он хрипло.

– Сделали, пап. Все хорошо.

Старик уронил голову на стол, прижался к нему лбом.

– Что говорят?

– Что ещё какое-то время будет здесь, а потом переведут. Угроз нет.

Старик тяжело дышал.

– Пап.

– Да.

– Приезжай, а? Она в сознание приходит... Ну, сколько можно?

Старик замолчал, облизал пересохшие губы.

– Пап.

Старик не отвечал.

– Пап.

Он отнял лоб от стола, провёл рукой по волосам.

– Не... Не знаю, Аня... Не могу.

В трубке помолчали.

– Папа.

– Да?

– Вы – плохие люди. Оба.

И она бросила трубку.

Старик сидел и слушал гудки. Сердце гремело, как молот по наковальне.

Он медленно водрузил трубку на место. По телу разливалось какое-то тепло, в голове шумело. Старик встал, сполоснул чашку и поставил её на полотенце дном вверх. Потом погасил свет, проверил газ – ошупав каждую ручку – и ушёл в комнату. Там он, не раздеваясь, лёг, укутался в плед и закрыл глаза.

Этажом выше кто-то запел.

Старику снилось, что он идёт по берегу – к реке. Песок засыпается в тапки и скрипит. Река светится, над ней ползёт неспешно луна. У самого берега качается лодка. Стучат о борт вёсла, от носа куда-то в песок тянется верёвка. Старик идёт медленно, ёжится от ночной прохлады, кашляет. Наконец он добирается до кромки воды. Тапки тонут в мокром песке, от реки пахнет листвой. Старик делает шаг, другой – и ноги по щиколотку уходят в ледяную воду. Он охает, хватается за влажный борт, перевешивается через него и вползает в лодку, на дне которой хлюпает та же вода. Старик садится и озирается – река пустынна, противоположный берег прячется в тумане, сквозь белое марево моргают еле заметно огни. Он с большим трудом развязывает верёвку и бросает её на берег. Потом кладёт ладони на тяжёлые весла и пробует грести. Весла спотыкаются, скребут по песку.

Лодка медленно трогается. Старик шумно дышит и гребёт, то и дело оборачиваясь. Но берега не видно, над рекой тянется туман. Хлюпает на дне лодки вода, ногам холодно. Слышны всплески – и вместе с вёслами взмывают в воздух ледяные брызги – некоторые из них долетают до щёк и обжигают.

Старику тяжело и страшно, но он продолжает грести. Туман окутывает лодку, и дальше старик движется будто в молоке. Воздух влажен, старику кажется, что он не дышит им, а пьёт его. Далеко вверху появляются и тут

же исчезают точки звёзд. Старик оглядывается через плечо и видит далеко в тумане огни. Там берег.

Становится холоднее. Старик то и дело бросает вёсла и дышит на посиневшие ладони. Старается грести быстрее, но лодка ползёт как ползла. Грудь точит кашель, зубы стучат. Сердце снова начинает грохотать – раз, два, три. Старик озирается, поджимает ноги, стучит ими по дну. Когда он уже готов бросить вёсла, лодка врежется носом в берег. От толчка старик подаётся назад, изгибается, пытаясь удержаться – и падает вперёд, на колени, едва успевая выставить руку перед собой. Не переставая стонать, встаёт, выпрямляется и, обхватив руками борт, вываливается на песок.

Но берега не видно. Вокруг старика – белая пелена, из неё выглядывает одиноко нос лодки. Старик щурит глаза, машет руками, чтобы разогнать туман. Кричит, зовёт на помощь, изо рта при этом вырываются облака пара. Старик, чуть не плача, обхватывает себя руками и медленно, охая и останавливаясь, бредёт в сторону огней. Они не приближаются.

Воздух становится всё холоднее, в тумане сверкают то ли снежинки, то ли кусочки льда.

Старик идеёт из последних сил, стиснув зубы, зажмурившись. Но идёт не долго – ноги его подкашиваются, он оседает на землю и закрывает лицо трясущимися руками. Туман становится гуще, старик несколько раз негромко кого-то зовёт – и тело его начинают сотрясать рыдания.

Слёзы катятся по щекам на ледяные ладони, с них падают на песок. Сердце гремит. Вдруг он скидывает голову – сквозь оглушительные удары он слышит что-то ещё. Вытягивает шею. К нему приближаются тяжёлые глухие шаги. От каждого – вздрагивает земля.

Старик вжимает голову в плечи и ждёт. Шаги всё ближе – и старик видит сквозь туман исполинский силуэт.

Очертания становятся яснее и, раздвигая плечами пелену, перед стариком возникает могучая фигура в три человеческих роста. Белый мундир, ордена. На поясе – вся в вензелях – сабля. Спокойное, задумчивое лицо. Старику знакомо это лицо, он видел его в телевизоре, о нём говорили двое – помоложе и постарше. Потом ещё вступила женщина с бусами и никому не давала вставить слово. Столыпин смотрит на старика, потом наклоняется и берёт его на руки, как ребёнка. Старик прижимается к белому мундиру и молчит, по лицу продолжают катиться слёзы. Столыпин делает